Когда Чжоу Синьчжу увидела эту сплетню, она возликовала. Распутницу Фэн Пин и ее методы наконец-то разоблачили, и если Тан Цзянань – мужчина, то он немедленно выгонит ее за дверь. И даже если он сам смог бы это вынести, семейство Тан такого терпеть бы не стало. Эта женщина точно уже была мертва.

Чжоу Синьчжу не была уверена, знал ли уже об этом Тан Цзянань, поэтому отправилась к Тан Минсюань и, походив некоторое время вокруг да около, в конце концов выложила той новости. Как и можно было предположить, Тан Минсюань была шокирована целиком и полностью. Она была не в состоянии проглотить свой гнев, поэтому немедленно позвонила Тан Цзянаню и посоветовала ему посмотреть колонку сплетен в еженедельных новостях.

Глядя на это, Чжоу Синьчжу наконец-то вздохнула с облегчением, будто бы у нее с плеч свалился тяжелый валун.

Сразу же после этого две девицы начали обсуждать то, что происходит в мире моды. Ходили слухи, что на предстоящий конкурс супермоделей организаторы планируют пригласить в качестве судьи всемирно известного топ-дизайнера Дженнифер. Таким способом они смогли бы привлечь и внимание ведущих азиатских модельеров. Тан Минсюань знала, что две кузины Чжоу Синьчжу тоже участвовали в этом конкурсе, поэтому радостно спросила:

– Цзин Хэ и Я Бай точно смогут попасть в финал?

Чжоу Синьчжу притворилась очень сдержанной, но говорила вполне уверенно:

– У них не будет никаких проблем с тем, чтобы попасть в топ-десять. У Цзин Хэ параметры лучше, чем у Я Бай, поэтому у первой шансов будет побольше… – она намеренно остановилась на этом. Что толку в бóльших шансах? Просто дать волю чьему-то воображению.

Эти две младшие кузины зависели от своей знаменитой старшей родственницы, лично учившей их и дававшей полезные советы, не говоря уже о деньгах и поддержке семьи, на которую им приходилось опираться. Но никто не мог об этом даже упомянуть, несмотря на то, что все это было очень важно. В итоге, когда дело дошло до выхода в финальный раунд, девушкам пришлось полагаться на свои собственные способности.

Тан Минсюань, как положено, наговорила про девушек комплиментов, хотя сама ни разу их в лицо не видела. Ее голова была переполнена мыслями о том, как она придет домой, выложит сплетни и узнает, как домашние их воспримут. Так что, посидев еще немного, она нашла благовидный предлог, чтобы уйти.

Она тут же бросилась обратно в особняк семейства Тан, чтобы повидать старую мадам Тан, а также тетушек и кузин со стороны матери. Все там с взволнованными выражениями на лицах горячо обсуждали шокирующее дело об убийстве сына судовладельца-магната. Когда происходит такое, больше всех пугаются богачи. Тан Минсюань уселась между ними, слушая как они непрерывно болтали о законах и правительстве. Она не могла не засомневаться: прямо сейчас было неуместно выкладывать эту сплетню, но если бы она не смогла ее упомянуть, то

чувствовала бы себя подавленно.

Старая мадам Тан всегда очень заботилась об этой своей внучке, и когда ее проницательный взгляд остановился на девушке, выражение глаз у старой мадам смягчилось и тон слегка замедлился:

– Минсюань, ты тоже должна вести себя осторожно, не разгуливай в эти дни…

Тан Минсюань слабо улыбнулась.

– Я всегда оставалась на своем месте, а тот, кто этого не делает, – второй брат, – ее слова затихли.

Услышав это, все тут же примолкли, глядя на нее и краем глаза проверяя выражение лица старой мадам Тан. С тех пор, как Тан Цзянань самостоятельно решил вопрос о своей помолвке, почти никто не осмеливался упоминать это имя при старой госпоже, опасаясь ее спровоцировать. Но так как Тан Минсюань ходила у бабушки в фаворитках, то высокомерия ей было не занимать.

В этот момент на лице старой мадам Тан не отразилось ничего. Помолчав полсекунды, она спросила:

– И каким образом А’Нань устроил проблемы?

Даже Тан Минсюань была не способна уловить настроение своей бабушки, но она стремилась вытащить на свет этот скандал, особо помня о том, что недонесение о преступлении тоже считалось преступлением. Если бы бабушка занялась серьезным расследованием этого происшествия, то ее саму тоже бы наказали. В их семействе старая мадам Тан была подобна вдовствующей императрице Цыси. Несмотря на то, что ее муж скончался рано, из-за невероятных способностей ее сына, Тан Чжаня, она обладала в семье наибольшей властью. Эта власть была источником всех ее развлечений, поэтому старая мадам никогда не отказывалась ей воспользоваться.

Хотя ее лицо ничего не отражало, в душе она была счастлива. Возможность увидеть чью-то ошибку – веселая штука, в то время как ты сам радуешься собственной сообразительности. Это событие доказывало, что старая мадам Тан была мудра. Опыт говорил ей: обычная женщина, которая пытается пролезть наверх по социальной лестнице, определенно чиста не будет. Единственный способ получить законную точку опоры для нее – когда мужчина из высшего класса на ней женится. А внук ее семейства Тан определенно не может быть таким мужчиной.

Старая мадам Тан слегка опустила глаза, прокручивая в уме разные идеи. Однако со стороны могло показаться, что она предпочла хранить молчание.

Шокирующий скандал, который семейство Тан переживало в потрясении, на Фэн Пин не повлиял совершенно, однако Фан Ботао разгневался до такой степени, что чуть не подавился. Сначала он позвонил в компанию, выпускавшую газету, и жестоко отругал того, кто первый снял трубку, а потом приказал средствам массовой информации прояснить этот вопрос. Фэн Пин слегка улыбнулась и остановила его, заметив, что подобные вопросы становятся тем сомнительней, чем больше кто-то пытается прояснить ситуацию. В таких усилиях нужды не было.

Но гнев Фан Ботао унять было нелегко:

– Ни за что, нет-нет, это смешно!

Фэн Пин засмеялась и попыталась его переубедить.

– Дядя Фан, если только ты не хочешь, чтобы все знали твое имя, тебе точно не нужно что-нибудь им объяснять. Просто позволь им воспользоваться своим безграничным воображением. Людей считают разумными животными только потому, что у них слишком активное воображение. Было бы очень жаль, если бы люди им не пользовались.

Фан Ботао почувствовал, что личность, из-за которой он был зол, не оценила этого жеста, поэтому мог только широко раскрыть глаза, уставившись на нее:

– Я просто волнуюсь, что Тан Цзянань неверно тебя поймет.

Фэн Пин снова засмеялась, обрывая его.

– Дядя Фан, ты просто надумываешь, я об этом не беспокоюсь.

– О?

– Он пережил слишком много скандалов, а я получила только один, если только я… – говоря это, она надевала свое зеленое кашемировое пальто. – Если только я в один прекрасный день не стану королевой скандалов, у него не будет права предъявлять мне претензии. Я уже договорилась с И Эр’яном, что приеду взглянуть на одежду, так что я пойду. О, точно! Позволишь мне одолжить твоего шофера?

Фан Ботао начал потеть.

– Ты не боишься, что все это еще больше раздуют из-за того, что ты пользуешься моей машиной?

Фэн Пин подхватила сумочку и открыла дверь. Перед тем, как уйти, она бросила взгляд через

плечо и улыбнулась.

– В конце концов, то, что говорят в СМИ и что болтают посторонние люди, – неважно. Это не изменит наших отношений. Просто воспринимай это как порыв ветра.

Фан Ботао не удержался и покачал головой, напомнив куску дерева перед собой:

– Будь осторожна.

Фэн Пин спустилась на лифте прямо в подвал здания. Молодой шофер уже сидел в машине, готовый отвезти ее куда нужно. Они проехали в подземный гараж под мастерской И Эр’яна. Когда шофер торопливо выскочил из машины, чтобы проводить ее наверх, она его остановила:

– Не нужно, я знаю это место.

Шофер был непреклонен и проводил ее до входа в мастерскую.

На этот раз, когда И Эр’ян ее увидел, его отношение стало немного другим. Много раз он заговаривал о чем-то и останавливался на середине предложения, как будто бы ему было трудно что-то сказать. Фэн Пин догадалась о его затруднениях и проявила инициативу, объяснив:

– Газеты выдумывают, ничего не произошло.

Поскольку И Эр’ян не знал, как и поднять эту тему, было еще лучше, что Фэн Пин сказала это первой, а он мог играть роль тетушки-сплетницы до самого конца.

– Что происходит между тобой и А’Нанем? Две ночи назад он повсюду ездил, разыскивая тебя, но в конце концов ты появилась в газетах вместе с Фан Ботао. Что вы, ребята, делаете?

Рот Фэн Пин дернулся.

– Это просто ерунда. Он беспокоился обо мне, но выбрал неверный метод, поэтому мы немного поспорили. Что же касается Фан Ботао – это полностью выдумка СМИ, тебе решать – верить им или нет.

И Эр’ян редко бывал настолько серьёзен.

– Не так уж и важно, верю ли в это я, важно, что думает А’Нань. Как он отреагировал?

– Я не знаю.

– Ты не знаешь?

– Ага. Он никак не отреагировал.

– Отсутствие реакции – это большая реакция, – сказал И Эр’ян с крайне озабоченным выражением. – Это большое дело!

– Если так, оставим это большое дело ему, – Фэн Пин не могла более беззаботно относиться к проблеме. – Давай я посмотрю на одежду.

– Одежду? – И Эр’ян был шокирован ее тупостью, не удержался и напомнил. – Моя великая старшая сестрица, если А’Нань порвет с тобой в припадке ярости, то разве ты не…

– Не порвет! – Фэн Пин резко оборвала его. – Вот поэтому тебе не нужно беспокоиться о расходах на ткани.

И Эр’ян был готов взорваться от гнева.

– Боже мой, ты и вправду та собака, которая укусила Лу Дунбиня [1]! Забудь, забудь, лучше бы я не спрашивал о твоих глупых проблемах!

Закончив, он ушел, пыхтя от гнева, и крикнул своей помощнице:

– Отмени все дневные встречи, я не хочу никого видеть! – его тон говорил о том, что спорить бесполезно.

Фэн Пин не выдержала и расхохоталась.

Она почти забыла, что И Эр’ян, помимо всего прочего, был одним из лучших дизайнеров одежды в этой стране.

Примечания английского переводчика:

[1] □□□□□: китайская идиома со смыслом «обидеть человека с добрыми намерениями». В этом случае Эр’ян сетует, что он искренне обеспокоен тем, как развиваются отношения Фэн Пин и Тан Цзянаня, но Фэн Пин принимает его беспокойство за переживания о том, сможет ли она по-прежнему платить за пошитые им платья.

http://tl.rulate.ru/book/26999/1459370